

The background of the cover features a large, semi-transparent portrait of a woman with long, dark, wavy hair and a serious expression. Behind her is a stylized cityscape with several skyscrapers, including one with a distinctive spire. In the bottom right corner, there is a glowing, jagged, crystalline object that appears to be breaking apart or shattering, with small fragments floating around it. The overall color palette is dark and moody, with shades of teal, grey, and black, accented by the bright yellow and orange of the glowing crystal.

ПЕПЕЛ НАШИХ ИМЁН

Вячеслав Григорьев

Вячеслав Григорьев

Пепел наших имён

«Автор»

2026

Григорьев В.

Пепел наших имён / В. Григорьев — «Автор», 2026

Лоркан Вэrr - лучший Очиститель в городе, где магия стирает боль. Он вырезает из памяти клиентов кошмары и фобии, но собственную память давно потерял. Однажды к нему приходит Лина Риверс - художница, которая боится лифтов. Лоркан уже стирал её память пять лет назад. Он не помнит, что между ними было, но его магия помнит. Когда он касается её виска, он натывается на серебряную стену, которую построил сам, чтобы спасти её от Гильдии. Гильдия приказывает стереть память Лины полностью. У него три дня. Но в глубине его собственной памяти спрятано лицо матери, которое он ищет всю жизнь. Лина хранит его - и не знает об этом. Чтобы выжить, Лоркан должен вспомнить, как любить, и рискнуть всем, что у него осталось.

© Григорьев В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Г	15
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Вячеслав Григорьев

Пепел наших имён

Глава 1

Вячеслав Григорьев
«Пепел наших имён»

Глава 1. Клиент всегда прав

В кабинете пахло пылью, старой бумагой и запахом чужих слёз, который вьелся в деревянные панели и оседал на обоях незаметным налётом. Лоркан Вэрр сидел за дубовым столом, смотрел на остывший чай и ждал.

В приёмной за стеной тикали напольные часы. Бой он отключил много лет назад - звон металла напоминал ему о процедурах, которые он проводил каждый день. Тик-так, тик-так. Единственный ритм, которому он доверял. Всё остальное в городе Эрра лгало: лица, документы, даже воздух, пропитанный испарениями эфирных ламп.

На столе перед ним лежал бронзовый диск с рунами, похожий на карманные часы без циферблата. Диагностический артефакт. Лоркан не расставался с ним даже во сне - когда его собственная память сжималась до размеров горошины, только холод металла под пальцами возвращал его к реальности.

Сегодня был обычный день. Если можно назвать обычным день, когда ты забираешь чужие кошмары и делаешь их своим грузом. Он взглянул в окно: за мутным стеклом клубился серый туман Эрры. Город стоял на болотах, и даже в полдень солнце здесь оставалось бледным, как разбавленные жёлтые чернила.

- Господин Вэрр? - раздался голос из приёмной.

Это была его секретарша, немолодая женщина с лицом, лишённым эмоций. Она работала на него много лет, и Лоркан подозревал, что она давно стёрла в себе все чувства, чтобы терпеть его общество.

- Пусть войдёт, - ответил он.

Дверь скрипнула, и в кабинет вошла она.

Лоркан приготовился увидеть стандартного клиента - затравленного, с мешками под глазами, готового заплатить любую цену за забвение. Но эта женщина была другой. Она вошла быстро, с лёгким стуком каблуков о паркет, и сразу села на стул напротив, не дожидаясь приглашения. Её пальцы сжимали потёртую кожаную сумочку, но лицо не выражало страха. Только глубокую усталость - ту, что остаётся, когда человек перестаёт верить, что боль может пройти.

Она откинула со лба тёмные волосы, и Лоркан заметил на её виске тонкую серебряную нить - шрам от старой эфирной процедуры. Его сердце на секунду сбилось с ритма. Тело помнило то, чего не помнил разум: холодок пробежал по позвоночнику.

- Вы - мастер Вэрр? - спросила она. Голос низкий, чуть хриплый.

- Он самый, - кивнул Лоркан, пряча руки под столешницу, чтобы она не заметила дрожи.

- Чем обязан, госпожа...?

- Риверс. Лина Риверс. - Она положила на стол папку с документами, но не открыла. - Мне сказали, что вы лучший. Что вы можете убрать любой страх. Я хочу избавиться от клаустрофобии.

- Клаустрофобия - одна из самых простых фобий, - механически произнёс Лоркан. - Пять сеансов, максимум семь. Вы перестанете бояться лифтов, тесных комнат, толпы. Полное или частичное стирание?

- Полное, - отрезала она. - Я художник, господин Вэrr. Я работаю с пространством, а пространство давит на меня. Я не могу дышать в собственной мастерской.

Лоркан кивнул и взял бронзовый диск. Рутинa: сканирование, оценка объёма эфирного следа, назначение цены. Он поднялся, обошёл стол и встал позади её кресла. Лина не обернулась, только чуть напряглась, когда он приблизился.

- Расслабьтесь, - сказал он тихо. - Я лишь посмотрю структуру вашей памяти. Это не больно.

Он прикоснулся диском к её виску - к тому самому, со шрамом. И мгновенно его сознание провалилось внутрь неё.

Там было темно. Слишком темно. Обычно чужая память выглядит как лабиринт комнат, залитых тусклым светом, где каждое воспоминание - отдельная дверь. Но память Лины Риверс была похожа на колодец без дна. Лоркан чувствовал, как его собственный эфир тянется вниз, в пустоту, и натывается на стену. Глухую, несокрушимую стену из сияющего серебряного света.

Он узнал эту стену. Он сам её построил. Пять лет назад. Своими руками. Своей кровью и своей памятью.

Лоркан отшатнулся так резко, что диск выскользнул из пальцев и с глухим стуком упал на пол. Лина Риверс обернулась. В её серых глазах мелькнуло удивление - и что-то ещё, чего он не мог прочитать.

- Что-то не так? - спросила она.

Лоркан молчал. Он смотрел на неё, и впервые за десять лет он не знал, что сказать. Его магия помнила то, что он сам вытравил из сознания. И это было страшнее любого кошмара, который он когда-либо вырезал из чужих голов.

- Ничего, - выдавил он, поднимая диск дрожащей рукой. - Просто... ваша память необычно плотная. Придётся начать с подготовительного сеанса. Завтра. В это же время.

Лина прищурилась, но не стала спорить. Она встала и направилась к дверям. У порога задержалась и бросила через плечо:

- Вы бледный, господин Вэrr. Вы сами-то спите?

И не дождавшись ответа, она вышла, а Лоркан остался стоять посреди кабинета, слушая, как затихают её шаги. Он посмотрел на диск - на его поверхности проступила тонкая серебряная нить, точно такая же, как шрам на её виске.

«Ты её уже стирал, - прошептал внутренний голос. - Ты её уже стёр. Но тогда зачем она пришла снова? И главное - что ты скрыл от самого себя?»

За стеной часы пробили шесть. Лоркан подошёл к окну, прижался лбом к холодному стеклу. В голове звенела пустота - та самая, где когда-то хранились его собственные воспоминания, а теперь там ютились только чужие слёзы. И один размытый образ: женское лицо в лифте. Она что-то кричит ему - или смеётся? Он не мог разобрать. Память стирала звук, оставляя только эхо. Тот самый лифт. Он знал это. Но не знал - что именно там произошло.

Он не помнил, что там было. Но он знал: завтра он должен будет либо вспомнить, либо потерять всё окончательно.

Кабинет погрузился в сумерки. Лоркан не зажигал свет - эфирные лампы требовали ментальной концентрации, а сейчас он не мог сосредоточиться даже на том, чтобы дышать ровно. Он всё ещё стоял у окна, прижимая бронзовый диск к груди, и смотрел, как туман за стеклом сгущается до молочной мути. Внизу зажглись первые уличные фонари - тусклые зелёные шары, мерцающие в сырости.

Он перевёл взгляд на стол. Папка, которую или забыла, или специально оставила Лина, всё ещё лежала на дубовой столешнице. Лоркан подошёл, сел в кресло и провёл пальцами по шершавой поверхности картона. Обычная папка, без печатей, без гербов. На обложке - только её имя, выведенное чернилами: *Лина Риверс*.

Он открыл её. Внутри - копия удостоверения художника, рекомендательные письма, справка от врача. Всё чисто, всё стандартно. Ни слова о прошлых сеансах чистки, ни упоминания о том, что её память уже подвергалась вмешательству.

Лоркан перелистнул страницы до конца и уже хотел закрыть папку, как пальцы нащупали утолщение в обложке - тонкий кармашек, аккуратно вшитый с внутренней стороны. Он провел ногтем по шву, и оттуда выскользнул сложенный вчетверо лист с сургучной печатью Гильдии. Алая капля воска с оттиском совиного глаза - знак высшей секретности.

Он развернул бумагу дрожащими пальцами.

«Мастер Вэрт, вы предупреждены. Клиент Риверс находится под протоколом «Серебряный дождь». Любое отклонение от стандартной процедуры чистки будет расценено как акт измены. Вы должны стереть указанный эпизод в течение трёх сеансов. Если вы этого не сделаете, мы будем вынуждены применить меры аннигиляции как к объекту, так и к вам. Совет Гильдии. Подпись - Морган Кроу»

Лоркан перечитал письмо трижды. «Серебряный дождь» - протокол высшей степени секретности, означающий, что Лина была не просто клиентом. Она была свидетелем. Или носителем. Или тем и другим одновременно. Он не знал, что именно она видела или хранила в себе - но знал, что ответ спрятан в том лифте, где они когда-то стояли друг напротив друга. Гильдия хотела, чтобы её память исчезла навсегда, а не просто избавилась от фобии.

Он сжал письмо в кулаке, и бумага истлела, осев на столе серым прахом. Лоркан знал: документы Гильдии с сургучной печатью самоуничтожались после прочтения. Но этот прах был тёплым. Таким же тёплым, как то забытое воспоминание, которое только что пульсировало в его груди, - живое, горячее, не желающее умирать.

Он потянулся к левому ящику стола. Там, под стопкой квитанций, лежал другой артефакт - зеркало в тяжёлой серебряной оправе. Он купил его на чёрном рынке десять лет назад. Зеркало могло отражать обычное лицо, если его владелец желал этого, но истинная сила заключалась в другом: оно проявляло эфирные отпечатки - следы, оставленные на предметах чужими прикосновениями.

Он поднёс зеркало к папке. Поверхность замутилась, пошла рябью, и через секунду на ней проступили размытые силуэты: пальцы Лины, кончик её карандаша, тень от волос. А затем - ещё один слой. Чужой, плотный, с мелкими зубцами по краям. Сигнатура его собственного наставника - Моргана.

«Морган держал эту папку. Он её отправил. Он организовал этот визит».

Холодок пополз по затылку. Если Морган знал о Лине, значит, Гильдия знала. А если Гильдия знала о ней, значит, это была проверка. Или ловушка.

Лоркан отложил зеркало и подошёл к книжному шкафу. За третьим рядом фолиантов скрывалась кнопка. Он нажал - и шкаф бесшумно отъехал, открывая узкую лестницу вниз.

Подвал. Его личное святилище.

Ступени скрипели под ногами. Лоркан спускался медленно, привыкая к запаху сырости и озона. Здесь хранилась его коллекция - несколько десятков хрустальных сфер, каждая размером с кулак, которые стояли на полках вдоль стен. Внутри каждой - чужое воспоминание. Кошмар, страх, предательство, утрата. Всё, что он вырезал из клиентов за двадцать лет. Сферы мерцали тусклым серебряным светом - мёртвым, как звёзды на рассвете.

Он нашёл ту, что искал, по дате: пять лет назад, весна. Сфера стояла на нижней полке, покрытая пылью. Лоркан взял её в руки, и в тот же миг сознание захлестнула волна чужого ужаса - он едва удержал сферу, чтобы не уронить. Воспоминание было смазанным, будто выре-

занным второпях. Он видел тёмный коридор, звук шагов, женский крик. А затем - лицо Лины. Юной, испуганной, с размазанной тушью. Она что-то кричала ему, но звук был глухим, как из-под воды.

- «Лоркан, не надо! Я не хочу забывать! Если ты сотрёшь это, я не буду знать, зачем живу!»

Его собственный голос в ответ - холодный, чужой:

- «Ты будешь жить. И это единственное, что имеет значение».

Воспоминание оборвалось. Лоркан опустил сферу и почувствовал, что его ладони покрылись потом. Он не помнил этого разговора. Но внутри, глубоко в груди, что-то дрожало - слабый огонёк, который он считал давно потухшим.

Он поднялся наверх, задвинул шкаф на место и сел за стол. Перед ним лежали папка, зеркало, диск с эфирным слепком Лины. Он должен был выбрать: либо завтра провести стандартный сеанс и притвориться, что ничего не случилось, либо нырнуть в глубины собственного сознания, рискуя потерять остатки своей личности. Он выбрал второе. Потому что первое было трусостью, а он устал бояться.

Он достал из кармана маленькую ампулу с мутной жидкостью - «Зеркальную настойку», запрещённый препарат, усиливающий восприятие собственной памяти. Выпил одним глотком, чувствуя, как горло обжигает холодом. Через секунду мир поплыл, стены кабинета растворились, и Лоркан провалился внутрь себя.

Он стоял посреди бесконечного коридора. Десятки дверей - каждое его воспоминание. Они были заперты и на них висели таблички с надписью его собственным почерком: *«Не открывать»*.

Он подошёл к ближайшей запертой двери и прикоснулся к ручке. Дверь не поддавалась. Но из-под неё струился свет - серебряный, как стена в памяти Лины. И в этом свете он услышал её голос, смеющийся и лёгкий:

- «Ты обещал мне, что никогда не солжешь. Даже если правда убьёт. Помнишь?»

Лоркан отдернул руку, как от огня. Он оглянулся - вокруг пустые стены, десятки запертых дверей. За двадцать лет работы он стёр не только чужие воспоминания. Он стёр самого себя, кусок за куском, и теперь стоял в руинах собственной души.

А за дверью, которую он не решался открыть, ждала правда о том, что он сделал с Линой. И, возможно, о том, кем он был до того, как стал «лучшим мастером Эрры».

Он прислонился лбом к холодной поверхности и прошептал:

- Если я открою тебя, я не смогу закрыть обратно. Но если не открою, я умру, не зная, зачем я жил.

Из-за двери раздался тихий стук. Три удара, пауза, ещё три. Ритм, который он узнал бы среди тысячи.

Кто-то был по ту сторону. И этот кто-то ждал его.

Стук повторился. Три удара, пауза, ещё три. Так стучали в приюте, когда хотели вызвать на разговор, не привлекая надзирателей. Но он не помнил приюта. Он помнил только холодные стены, серый хлеб и запах дешёвого мыла с примесью хлорки - тот самый, что въедается в кожу и не выветривается месяцами. Всё остальное было стёрто. Или спрятано.

Он положил ладонь на холодную дверную ручку. Металл обжёг пальцы - не физическим холодом, а тем, что проникает в кости и заставляет сердце биться чаще. Лоркан сжал зубы и надавил на неё.

Дверь открылась беззвучно. Из проёма хлынул тёплый золотистый свет - как от старого масляного фонаря. В этом свете он увидел комнату. Маленькую, уютную, с красными обоями в

цветочек. Пахло лавандой и мёдом - сладковатый травяной запах, который он, казалось, помнил каждой клеткой тела, хотя и не мог сказать, откуда. Посередине стоял деревянный стол, на нём - чашка остывшего чая и раскрытая книга. На стуле сидела женщина. Лина. Только моложе, без усталой складки между бровей, с живыми смеющимися глазами.

Она подняла на него взгляд и улыбнулась:

- Ты опоздал на два часа, Лоркан. Я думала, ты меня бросил.

Голос звучал так реально, что он почти забыл - это всего лишь воспоминание. Шагнул в комнату - ноги увязли в чём-то сыпучем. Он опустил глаза. Под ногами лежали не песок и не пепел. Это были страницы. Сотни страниц, исписанных мелким почерком, залитых чернилами и слезами.

- Что это? - спросил он, не узнавая собственного голоса - тот звучал моложе, мягче.

- Это твои письма, - ответила Лина из воспоминания. - Ты писал их мне каждый день, когда мы не могли видеться. Я сохранила все. А потом ты стёр их из моей головы. Но они остались здесь. - Она постучала пальцем по груди. - Я чувствую их. Каждое слово. Даже если не помню смысла.

Лоркан хотел подойти ближе, но ноги словно приросли к полу. Воспоминание начало распадаться - стены покрылись трещинами, свет померк, лицо Лины размылось.

- Подожди, - прошептал он. - Не уходи. Я не помню, что я тебе писал. Кем я был тогда?

Лина наклонила голову, и в её глазах мелькнула печаль - такая глубокая, что Лоркану стало трудно дышать.

- Ты был человеком, который умел любить, - сказала она. - Ты убил его сам. Своими руками. Чтобы спасти меня. Но ты не спросил, хочу ли я такого спасения.

Воспоминание разлетелось вдребезги, как зеркало, в которое ударили камнем. Лоркана вышвырнуло из собственного сознания с такой силой, что он едва не ударился головой о край стола. Он открыл глаза. Кабинет. Ночь. Эфирные лампы горели в полную силу, отбрасывая на стены зелёные тени. Он сидел в кресле, сжимая в руках бронзовый диск, и всё его тело дрожало. Часы показывали половину одиннадцатого. Он был в трансе почти пять часов.

Лоркан с трудом поднялся, держась за столешницу. Голова гудела, но в груди, там, где минуту назад была пустота, теперь слабо теплилось что-то живое. Он посмотрел на запястья - на них проступили тонкие серебряные линии, как следы от ожогов. Знак того, что он задел слишком глубокий слой. Ещё один такой нырок - и он может потерять контроль над собой.

Он перевёл взгляд на папку Лины. Лоркан собрался убрать её в ящик и вдруг заметил на полу, под стулом, что-то маленькое. Он наклонился и поднял деревянную заколку с вырезанным цветком. Та самая, что была у Лины в волосах. Она выпала, когда она вставала.

Лоркан повертел заколку в пальцах и замер. Он узнал этот рисунок - лепестки, изогнутые под странным углом, сердцевина с тремя точками. Он сам вырезал этот цветок пять лет назад. И подарил её Лине со словами: «Пока это будет с тобой, ты будешь знать, что ты нужна кому-то».

Она не помнила его слов. Но она сохранила заколку все эти годы.

Лоркан сжал её в кулаке - дерево впилось в кожу. В коридоре за спиной слышались шаги. Тяжёлые, размеренные. Он не обернулся. Он уже знал, кто это.

Голос Моргана раздался из темноты:

- Ты подобрал её безделушку. Мило. Это ускорит процесс. Завтра ты сотрёшь ей память в третий раз, Лоркан. И на этот раз я буду стоять у тебя за спиной. Ты понял?

Лоркан медленно обернулся. В темноте коридора он увидел только силуэт - высокий, плечистый, с сигарой в руке. Красный огонёк тлел на конце, как глаз хищника.

- Я не понял, - сказал Лоркан тихо. - Объясни ещё раз. Так, чтобы я запомнил.

Морган рассмеялся - сухо, как скрипполовиц.

- Ты забыл, как работает наш цех, мальчик? Ты не запоминаешь. Ты стираешь. Или тебя стирают. Выбирай.

Он шагнул в свет ночника. Те же холодные голубые глаза, тот же шрам на подбородке. Но в руке у него был не привычный бронзовый диск. А тонкий серебряный клинок - оружие аннигиляции. Гильдия уничтожала личности им полностью, не оставляя ни следа, ни отпечатка.

Лоркан смотрел на клинок и понимал: завтра будет не сеанс. Завтра будет война.

- Зачем? - выдохнул он, чувствуя, как слова царапают горло. - Зачем ты привёл её ко мне, если мог убить её память сам?

Морган шагнул ближе, и свет упал на его лицо. Кожа стала серой, глаза ввалились, на висках пульсировали тонкие серебряные вены - следы многолетнего злоупотребления чужими воспоминаниями. Морган был болен. Он вырезал из себя слишком много, и теперь его личность держалась на страхе.

- Потому что я хочу, чтобы ты сделал это сам, - сказал он почти ласково. - Ты - мой лучший ученик. Ты должен понять: привязанность - это болезнь. Единственное лекарство - стереть её. Я хочу, чтобы ты убедился на собственном опыте: нет ничего важнее долга. Даже любовь - всего лишь химия.

- Ты никогда не любил, - выплюнул Лоркан. - Ты боишься, что кто-то станет тебе дороже Гильдии.

Морган усмехнулся:

- Сделай это чисто, профессионально - и займёшь моё место. Я стар, Лоркан. Я хочу знать, что Гильдия останется в надёжных руках. В твоих руках. Но сначала ты должен доказать, что достоин этого.

Он протянул руку и положил на стол пустой эфирный кристалл.

- Завтра в десять утра. Ты вырежешь всё, что связано с этим лифтом. А в конце - сотрёшь её личность полностью. Останется пустая оболочка, которая будет механически малевать бессмысленные пятна, даже не помня, что такое искусство. Она будет жить, но никогда не создаст ничего живого. Это милосердие. Запомни.

Морган развернулся и исчез. Шаги затихли, и в приёмной снова стало тихо.

Лоркан остался стоять, сжимая заколку. Он посмотрел на пустой кристалл, и внутри него поднялось нечто, чему он не мог дать названия. Не гнев - он вырезал его давно. Не страх - он продал его клиентам. Это было древнее, первобытное: воля выжить - и уберечь от опасностей ту, которую он когда-то любил.

Он взял кристалл и сжал его. Тот треснул, но не разлетелся - по поверхности пошли тонкие паутинки, и внутри замерцал золотистый свет. Лоркан не знал, что это значит. Но впервые за много лет его магия откликнулась на его собственную боль.

Он провёл ночь у окна. Сжимал заколку в одной руке, треснувший кристалл - в другой. Смотрел, как туман рассеивается, уступая свои права бледному рассвету. Где-то внизу запели птицы. Город просыпался, не зная, что сегодня кто-то решит судьбу двоих людей, один из которых уже давно считал себя мёртвым.

В девять сорок пять дверь скрипнула. Лоркан обернулся. Секретарша кивнула на входную дверь.

- Госпожа Риверс прибыла. Вы готовы?

Он встал и вышел в холл. Лина стояла у окна - плечи напряжены, пальцы сжимают ремешок сумки. Она снова боялась. Боялась лифтов, замкнутых пространств, неизвестности. Она не знала, что самое страшное ждёт её не в лифте, а в этом кабинете.

Она обернулась. На мгновение их взгляды встретились, и Лоркану показалось, что в её глазах мелькнула искра узнавания. Но она быстро отвела взгляд, поправила волосы - и пальцы

её на мгновение замерли там, где вчера была заколка. Она не помнила, что потеряла её здесь. Но рука помнила. Лоркан сжал в кармане деревянный цветок и тихо сказал:

- Доброе утро, госпожа Риверс. Проходите.

Она прошла мимо, и он уловил запах лаванды и мёда. Тот же, что витал в комнате с красными обоями. Он запер дверь в кабинет и сел за стол, она - в кресло напротив.

- Я готова, - сказала она. - Полностью.

Лоркан кивнул и встал позади неё. В руке - бронзовый диск с новыми рунами, выцарапанными ножом в три часа ночи. Руны забвения. И руны возврата.

Он прикоснулся диском к её виску - и реальность вокруг поплыла, съёжилась до точки, а затем развернулась заново, уже чужой, уже не его.

Он вошёл в её память как полноправный участник и сразу оказался в лифте. Тёмном, тесном, с облупившейся краской на стенах. Напротив стояла Лина - молодая, испуганная, с мокрыми от слёз глазами. И она смотрела не на него. В угол лифта, где, сжавшись в комок, сидел мальчик. Лет десяти, грязный, худой, с серебряными глазами. Рука перевязана окровавленной тряпкой.

Лоркан узнал его. Это был он сам. Тот самый, которого Морган забрал из приюта.

Лина кричала, стоя между ним и его детским «я»:

- Ты не тронешь его! Я не дам тебе стереть эту память! Это единственное, что у него осталось - лицо матери! Если ты сотрёшь это, он никогда не узнает, кто он!

Лоркан-настоящий отшатнулся. Он не помнил лица матери. Никогда не помнил. Значит, он был здесь. В этом лифте. И Лина знала об этом. Она пыталась защитить его детскую память, а он - взрослый, стёртый - пришёл уничтожить и это.

Он поднял руку - и увидел в ней не диск. Серебряный клинок. Тот самый, что держал Морган.

В этот миг Лина из воспоминания обернулась и посмотрела прямо на него - сквозь время, сквозь слои стёртых чувств.

- Ты снова здесь, - сказала она спокойно. - Ты снова хочешь меня стереть. Но посмотри на него. Посмотри на себя. Ты действительно хочешь убить мальчика, который плачет по матери? Или ты хочешь наконец узнать, кто ты?

Лоркан уронил клинок. Он упал с глухим звоном, и в тот же миг стены начали плавиться, как воск. Воспоминание рушилось - стены плавились, свет угасал, крик Лины затихал. Вместе с ним исчезала та едва уловимая тень, которая только что мелькнула на её виске, - лицо, которого он так и не смог разглядеть до конца.

- Она всё ещё там. В твоей памяти. Я спрятала её лицо там, где ты не найдёшь, пока не вспомнишь, как любить. Найди её - и найдёшь себя.

Он открыл глаза. Кабинет. Лина сидит в кресле, глаза закрыты, по щекам текут слёзы. Диск в его руке раскалился докрасна. Он чувствовал, как собственная память возвращается - медленно, болезненно, как срастающаяся кость.

Он посмотрел на её висок. Под серебряным шрамом проступил едва заметный силуэт женского лица, но тут же бесследно растворился.

Лоркан отнял руку. Лина открыла глаза. Она смотрела без страха - только с той же усталостью, что и вчера.

- Что вы со мной сделали? - спросила она, её голос дрожал. - Я видела мальчика. Я видела вас ребёнком. Кто вы такой?

Лоркан не ответил. Он опустился на колени рядом с её креслом, взял её руку в свои. Её пальцы были тёплыми. Он забыл, как это - чувствовать чужое тепло. Забыл настолько, что на мгновение его дыхание перехватило, и он понял: всё, что он вырезал из себя за эти годы, не исчезло. Оно просто ждало, когда он перестанет бояться.

Он прошептал:

- Я тот, кто обещал тебе однажды, что никогда не солжет. Я нарушил обещание. Я хочу исправиться. Для этого мне нужно, чтобы ты доверилась мне. До конца. Даже если будет больно.

Лина смотрела на него. В её серых глазах боролись страх и любопытство. Она медленно сжала его пальцы - и в этом жесте было больше доверия, чем в любых словах.

И в этот миг часы пробили десять. А следом - тяжёлый, настойчивый стук в дверь. За ней был Морган.

Лоркан, не оборачивая на стук, поднёс руку Лины к своим губам и прошептал так тихо, что она едва расслышала:

- Доверься мне. И не бойся смотреть в прошлое. Оно не убьёт тебя. Оно убьёт только нашу ложь.

За дверью послышался скрежет металла - Морган взламывал замок.

Лоркан поднялся на ноги, всё ещё сжимая руку Лины. Он посмотрел на входную дверь, затем на треснувший кристалл, лежащий на столе. Золотистый свет внутри него пульсировал в такт его собственному сердцу.

Он перевёл взгляд на Лину и увидел, как в её глазах зажглось то, чего он не видел ни у одного клиента за двадцать лет. Не страх. Не надежду. Решимость.

- Он не войдёт, - сказала она тихо, но твёрдо. - Ты слышишь меня, Лоркан? Он не войдёт. Потому что я всё вспомнила.

Она подняла свободную руку и коснулась своего виска, туда, где на секунду проступило лицо матери Лоркана.

- Я видела её лицо. Я помню, как она улыбалась тебе. Я помню, как ты плакал у неё на коленях. И я помню, что ты поклялся мне тогда, в этом лифте: если мы выживем, ты никогда не позволишь им стереть чью-то любовь. Ты дал слово.

Лоркан смотрел на неё, и в груди у него разваливалась та самая пустота, которую он считал вечной. Через трещины в ней пробивался свет.

Дверь заскрежетала еще пронзительнее - железо начало поддаваться.

Лоркан взял со стола треснувший кристалл, сжал его в ладони и шагнул к двери. Он встал между ней и Линой. Выпрямился так, как не выпрямлялся много лет.

- Входи, Морган, - сказал он громко, чтобы голос звучал сквозь металл. - Входи и посмотри, что осталось от твоего ученика.

Очередной удар сорвал замок с петель. Дверь рухнула на пол - в проёме стоял Морган с серебряным клинком в руке.

Лоркан не опустил взгляд. Он смотрел наставнику прямо в глаза, а в сжатом кулаке пульсировал треснувший кристалл - его свет бился в такт сердцу. Это была его собственная память, которую он двадцать лет вырезал из чужих голов, а теперь возвращал себе по крохам.

Лина встала за его спиной. Молча. Но её дыхание касалось его плеча, и этого было достаточно.

- Выбирай, - сказал Морган, поднимая клинок.

Лоркан сделал шаг вперёд.

- Я уже выбрал, - ответил он.

И в этот миг мир вокруг них взорвался серебряным светом - не тем, мёртвым, что исходил от клинка, а живым, золотистым, тем самым, что он видел в детстве, когда мать брала его на руки.

Свет вырвался из треснувшего кристалла, заполнил кабинет, ударил в стены и на мгновение погасил все тени.

Когда он померк, Морган стоял на пороге, опустив клинок. В его глазах впервые за много лет мелькнуло нечто, похожее на страх.

Лоркан опустил взгляд на свою руку, всё ещё сжатую в кулак. Внутри неё, под кожей, под костями, он чувствовал странное тепло - будто память, которую он считал мёртвой, начала дышать.

Он поднял взгляд на Моргана и тихо сказал:

- Теперь я знаю, кто я. А ты - кто ты.

Он ожидал гнева. Ожидал, что Морган бросится с клинком, что серебряное лезвие вонзится ему в грудь, что всё закончится здесь и сейчас. Он сжал руку Лины, готовясь к последнему рывку.

Но Морган не двинулся с места.

Он опустил клинок. А затем улыбнулся. Не той хищной, кривой усмешкой, которую Лоркан знал двадцать лет. Другой. Почти печальной. Почти человеческой.

- Ты ошибаешься, - сказал Морган, и голос его звучал тихо, без привычной стали. - Я знаю, кто я. А вот ты... - он сделал паузу, и в его голубых глазах мелькнуло что-то, от чего у Лоркана перехватило дыхание. - Ты не знаешь даже того, что твоя мать жива.

Слова упали в тишину кабинета, как камень в ледяную воду. Лоркан почувствовал, как земля уходит у него из-под ног. Рука Лины дрогнула в его ладони.

- Что? - выдохнул он.

Но Морган уже развернулся. Он шагнул в коридор, не оборачиваясь, и его голос донёсся оттуда, приглушённый расстоянием:

- Ты хотел правды, мальчик. Ты её получил. Но правда - это не то, что можно найти. Это то, что можно потерять. И ты только что потерял её снова.

Лоркан остался стоять посреди кабинета, сжимая руку Лины, чувствуя, как её пальцы холоднее в его ладони. В голове звенела одна единственная фраза, которую он не мог ни прогнать, ни осмыслить:

«Твоя мать жива».

Он повернулся к Лине. Она смотрела на него широко раскрытыми глазами, и он видел в них тот же вопрос, который кричал в нём самом.

- Он лжёт, - прошептала она. - Он всегда лжёт.

Лоркан покачал головой. И в груди, там, где ещё минуту назад полыхал золотистый огонь, теперь зияла пропасть - огромная, тёмная, полная не вопросов, а ответов, которые он боялся произнести вслух.

- Нет, - сказал он тихо. - Не лжёт. Я чувствовал её. Она жива. И он знал об этом всё время.

Лина шагнула к нему, взяла его лицо в ладони и заставила посмотреть на неё.

- Тогда мы найдём её, - сказала она твёрдо. - Мы найдём её, и мы узнаем, что он скрывает.

Лоркан смотрел в её серые глаза и вдруг понял: он больше не один. Не тот выжженный, пустой мастер, который сидел за этим столом утром. Он был другим. Он был тем, кого она помнила.

Он кивнул, сжал её руки и прошептал:

- Завтра мы начинаем. С самого начала.

За окном, в тумане Эрры, зажглись новые фонари. Город просыпался для нового дня. Но в кабинете, где только что рухнуло всё, во что он верил, Лоркан Вэрр впервые за двадцать лет почувствовал не пустоту, а надежду.

И холодная реплика, оставленная Морганом, висела в воздухе, как неизбежный приговор: *«Ты потерял её снова»*.

Что это значило? И где искать женщину, память о которой он нёс в себе всю жизнь?

Лоркан подошёл к окну, приложил руку к холодному стеклу и посмотрел вниз, на улицу, где среди утренних теней ему почудилась фигура в длинном пальто. Она стояла неподвижно, глядя вверх, прямо на его окно.

Фигура подняла руку и помахала ему. А затем исчезла.

Лоркан резко обернулся к Лине и произнёс:

- Он не ушёл. Он никогда не уходит. Он ждёт, когда я сделаю шаг. И я сделаю его.

Он взял со стола треснувший кристалл, сжал его в кулаке и посмотрел на Лину.

- Но теперь я знаю, куда идти. Ты готова?

Лина встретила его взгляд и кивнула.

- Я была готова пять лет назад, - ответила она. - Ты просто не дал мне выбора. Теперь выбор есть. И я иду с тобой.

За их спинами, на стене кабинета, там, куда не падал свет ночника, на секунду проступила тень. Женская. С длинными волосами. И исчезла.

А в треснувшем кристалле, который Лоркан сжимал в кулаке, замерцал новый свет - не золотистый, не серебряный. Белый. Чистый. Тот, что бывает только на рассвете, когда ночь окончательно отступает.

И в этом свете на стене, на одно мгновение, проступило слово. Всего одно. Написанное невидимой рукой - или памятью, которая не хотела умирать.

«Ищи».

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.